

Рецензии

И.С. Богатырёва

Территория пограничья

Рецензия на книгу:

Неклюдов С.Ю. Темы и вариации:

Литература как традиция. М.: Индрик,
2016. 520 с.

Рецензия на книгу доктора филологических наук С.Ю. Неклюдова, в которой дается анализ литературных текстов методами фольклористики: темы, лежащие в основе сюжетов, представляются как литературная традиция, развитие которой можно проследить во времени.

Ключевые слова: литература, традиция, фольклористика, тема, сюжет.

Новая книга Сергея Юрьевича Неклюдова «Темы и вариации» – прекрасный пример научного поиска на стыке дисциплин. Неподготовленный читатель, взяв книгу в руки, скорее всего, не сразу поймет, к какой области гуманитарного знания ее отнести: литературоведение? Или все-таки фольклористика? Принято считать, что фольклор как «устная» литература и «собственно» литература отличаются принципиально, в связи с чем требуют разной научной оптики. Однако, как показывает автор книги, все формальные отличия можно опустить, тогда как главное – разработка определенных тем и их существование на протяжении времени, переключки из текста в текст – остается универсальной моделью жизни любого текста, как фольклорного, так и сугубо литературного, и создает то, что можно назвать традицией.

Собственно, главное открытие книги – это иная оптика (считайте ее оптикой фольклористики), приложенная к авторским текстам, которая позволяет увидеть их с новой стороны. Важно отметить, что при этом снимается всякое ранжирование, так свойственное классическому литературному анализу, ломаются признанные стереотипы, по которым одни тексты считаются вершиной литературного творчества, а другие – нет, и поэтому они либо вообще не по-

падают в рассмотрение, либо иллюстрируют «второй уровень», так сказать, фон для появления шедевров. С.Ю. Неклюдов относится к текстам равнозначно, он ставит на одну полку «Песнь о вещем Олеге» и черновики недописанных романов Ю. Олеши и А. Платонова, блатные песни вроде «Гоп со смыком» – и романы Ж. Верна и Л. Толстого, «Тараса Бульбу» – и монголо-ойратский героический эпос. Вряд ли таким подходом автор собирался сломать существующие художественные стереотипы, просто стилистика, а равно как и законченность того или иного текста для него находятся на втором плане, тогда как на первое место ставятся темы и сюжетобразующие мотивы, проследить изменение которых можно только на максимально широко представленном материале. В этом подходе, конечно, проявился фольклорист, для которого всякий пример текста, любой его вариант ценен, и стилистический отбор не имеет значения: сказка, рассказанная девочкой-подростком, и другая, записанная от талантливого сказочника-балагура, одинаково важны для анализа.

Возникает вопрос: правомерен ли такой подход относительно литературных, а не фольклорных текстов? Однако сам по себе такой подход иллюстрирует живое сосуществование художественных текстов, когда всякий из них может послужить творческим импульсом и обогатить любой другой. А многообразие примеров позволяет читателю раскрыть глаза и увидеть литературные тексты не как отдельно стоящие башни, а скорее как речную сеть, где темы перетекают друг в друга, преобразуясь и изменяясь на протяжении времени.

Этот процесс может по-настоящему завораживать, а открытие литературных связей оказывается весьма неожиданным. Так, мотив путешествия на Луну, знакомый рядовому читателю по романам XIX в., как выясняет С.Ю. Неклюдов, берет свое начало в античной литературе; мотив пленника в яме, запомнившийся со школы по повести Л. Толстого, находит множество параллелей в фольклоре, в том числе – в эпосе тюркоязычных народов. А самое обширное исследование в книге посвящено блохе, теме, которая почти не знакома русской литературе, но широко разработана в европейской. «Паразитологический экскурс в литературную традицию» – так иронично названа глава, где, уже совершенно в духе современной фольклористики, «блошинный» мотив рассматривается не только на примере художественных текстов, но и в живописи, и в прикладном искусстве и т. д.

Дойти до первичного, порождающего начала того или иного мотива – вот задача, которую ставит перед собой автор в каждом

конкретном случае. Задача неочевидная: помимо обширности материала, которым необходимо оперировать, сложность состоит в том, чтобы проследить порождающий элемент и отличить его от вторичных наслоений. Это похоже на археологические изыскания: слой за слоем снимаются варианты темы, ее изменения во времени до тех пор, пока не обнаружится первичная модель. В зависимости от вида этой модели все тексты, по мнению автора, распадаются на две группы: «часть их восходит к фрагментам мифологической картины мира, к осмыслению некоторых обрядов, обычаев... Другая... является продуктом символизации, метафоризации и прочих внутренних литературно-фольклорных преобразований».

Любопытно при этом, что тексты с темами из второй группы – появившиеся из «символизации», читай, порожденные чистой фантазией, – умирают, когда сталкиваются с реальностью. Так «лунные одиссеи» перестали быть актуальными с первым полетом на Луну, а блошинная литература умерла при введении поголовной гигиены. Однако если начальный мотив мифологичен по своей природе, то он долго сохраняет актуальность. «Так, ветхозаветный образ “города-женщины/женщины-города”, имеющий глубокие мифологические истоки... становится одной из устойчивых мифопоэтических метафор европейской словесности, но до сегодняшнего дня сохраняет ряд вполне архаических коннотаций и сюжетопорождающие потенции – как в фольклоре, так и в литературе». И правда, этот мотив с завидным постоянством встречается в современной прозе – от Ерофеева до Снегирева. Причем за счет того, что он редко выходит на уровень текстообразующего, а обычно используется в качестве сильного стилистического приема или эротического обертона, звучащего в произведении в целом, то и воспринимается каждый раз как авторская находка. Редко приходится задумываться о его преемственности, так что открытие долгой истории мотива может стать для многих неожиданностью.

Правда, следя за изысканиями автора, порой ловишь себя на ощущении, что он не избежал искажения восприятия спецификой собственных профессиональных интересов. Так, к примеру, читая сопоставление легенды о вещем Олеге в изложении Пушкина со скандинавскими и древнерусскими летописными прототипами, вдруг с удивлением обнаруживаешь параллели с монгольским фольклором и ритуальными практиками центральноазиатских народов. Кажется, увидеть такие связи мог только монголовед, каким и является С.Ю. Неклюдов. Однако примеры оказываются столь убедительными, а совпадения – точными до деталей, что остается только развести руками. «Перед посвящением любимого скакуна

ему надо об этом сказать (монг.); коня, отсылаемого на вольный выпас, накрывают специальной попоной (казах.); череп посвященного коня всегда укладывают на возвышенное место (монг.)», – всех этих элементов нет ни в древнерусских, ни в скандинавских источниках, однако Пушкин их использует.

«Непонятно, откуда Пушкин взял эти детали», – ведет диалог с читателем С.Ю. Неклюдов, но все же настаивает, что «данные мотивы наиболее убедительно трактуются именно в рамках “степных” традиций, а следовательно, и должны рассматриваться в этом контексте – по крайней мере до тех пор, пока не появятся более убедительные объяснения». Далее следует предположение о знакомстве Пушкина с южнорусскими культурными традициями, во многом заимствовавшими степные элементы, но это уже на правах гипотезы, тогда как сам по себе генезис мотива остается, в трактовке С.Ю. Неклюдова, однозначным.

Несмотря на то что книга писалась несколько лет, как следует из введения, она получилась однородной, стилистически выдержанной, богатой иллюстративным материалом, так что может быть интересна как специалистам, так и широкому кругу читателей. Потому что главная ее цель – открыть новое, свежее восприятие литературы как традиции по аналогии с устной. И все авторы, попавшие в поле зрения анализа С.Ю. Неклюдова, казалось бы, существующие в отрыве друг от друга – не только языковом, географическом, но и хронологическом – вдруг оказываются вплетенными в одну ткань так же, как и анонимные творцы фольклора.

Это ощущение живой, неразрывной традиции, живого, несмолкающего разговора авторов между собой – тот новый ракурс видения литературы, который возможен только с приграничной с фольклором территории.